

Манон Барбо: «Это не мейнстрим»

Беседу ведет и комментирует Дмитрий Опарин.

Warikoni Mobile — кочевая аудиовизуальная и музыкальная учебная студия, появившаяся в канадской провинции Квебек в 2004 году. Монреальские кинематографисты ездят по индейским поселениям и учат молодых аборигенов делать фильмы. Индейские подростки сами придумывают, снимают, монтируют и озвучивают музыкальные клипы, анимационные, документальные и игровые короткометражки. За несколько лет проект Warikoni Mobile охватил двадцать одно поселение в Квебеке, выпустил около пятисот фильмов и получил более пятидесяти наград. Западные кинематографисты приезжают к индейцам не снимать кино о них, а учить индейцев снимать кино о самих себе.

Антропологическое кино имеет очень заметный колониальный привкус. Документалисты приезжают к аборигенам, снимают кино об экзотических для европейца обычаях и уезжают, часто даже не утруждаясь показать фильм своим героям. В науке существуют те же проблемы. На этнологическом конгрессе в Вашингтоне в октябре 2012 года аляска-кинская эскимоска выступила с речью о профессиональной высокомерии антропологов, которые считают, что лучше самих эскимосов знают об эскимосской культуре и эскимосском образе жизни. Деколонизация этнологии идет уже не первый десяток лет, появилось даже понятие *participatory anthropology* (совместная антропология), обозначающее участие местного населения в исследовательских проектах наравне с университетскими учеными. Проект Warikoni Mobile можно было бы назвать *participatory documentary*. В данном случае жизнь индейцев показывается не через призму восприятия белых: зритель видит взгляд аборигенов на современные проблемы коренных народов. Тематику и стилистику фильмов определяют молодые индейцы. При помощи монреальских кинематографистов они снимают фильмы об охоте и исчезающей культуре, о суицидах, о скуке, об алкоголизме, о любви, о своих друзьях. Короткометражки отличает свойственный коренным народам медленный ритм, который можно почувствовать, побывав в индейских резервациях Квебека или в поселках сибирских аборигенов.

Очевидна социальная значимость проекта Warikoni Mobile. Коренная молодежь изолированных деревень предоставлена сама себе. Всем известна страшная статистика самоубийств, жертв алкоголизма и наркомании, характеризующая североамериканские резервации. Но есть у гуманитарного проекта и другая скрытая цель: создатели кочевой киностудии знакомят жителей канадских городов с аборигенной культурой, о которой большинство канадцев не имеют практически никакого представления.

Основатель и директор студии Warikoni Mobile — Манон Барбо, беседу с которой мы предлагаем вниманию наших читателей.

Дмитрий Опарин. Мне кажется, что многие, например, в Москве имеют очень поверхностные знания о коренных народах Севера и Сибири...

Манон Барбо. То же самое здесь, в Канаде. Если на улице Сен-Катрин в Монреале попросишь прохожих назвать три крупнейшие аборигенные общины Канады, наверное, ответит один из сотни. Люди не знают, что существуют такие народы.

Дмитрий Опарин. На своем сайте вы написали, что одна из целей Warikoni Mobile заключается в предоставлении возможности коренной молодежи выйти за рамки своей привычной жизни. Что дает молодым этот выход? Они же выходят на время, а потом вынуждены опять вернуться.

Манон Барбо. Да, они возвращаются. Жизнь в поселениях коренных народов тяжелая. Есть множество проблем, связанных с алкоголизмом, наркоманией. И в резервациях нечем заняться — молодым скучно. Они часто бросают школу. Эти «выходы» за пределы обыденности, за границы того мира, на который, как им кажется, они обречены, ломают их предрассудки о самих себе. Ребята делают фильмы сами, становятся авторами, творцами. Это заставляет окружающих по-другому взглянуть на коренную молодежь, зарождает в них самих гордость за себя и уверенность в своих силах. И когда они возвращаются к обычной жизни, то понимают, что есть множество дел, которыми можно заняться, что нужно созидать, действовать, проявлять инициативу.

Дмитрий Опарин. Бывало ли так, что после участия в вашем проекте молодые люди поступали учиться, осваивая кинематографические специальности, или начинали карьеру в этой области?

Манон Барбо. Мы проводим в поселениях короткий период времени — чаще всего пять недель. Иногда возвращаемся в одно село несколько раз в год. И люди в ходе проекта получают знания, позволяющие им учить других и получить контракт. Например, Шанук Ниуашиш начинала с нами как обычный участник, а сейчас преподает и возглавляет аудиовизуальное отделение при Центре коренных народов маленького города Ла-Тюк. Другой бывший участник проекта преподает в средней школе. Одна девушка начала работать на канале APTN (Aboriginal People's Television Network — телевизионный канал коренных народов Канады), ее товарищ подписал контракт с Telefilm Canada на создание документального короткометражного фильма. Ребята начинают верить, что у них есть перспективы.

Проект Warikoni Mobile

Дмитрий Опарин. С какой реакцией жителей после просмотра фильма вы встречаетесь?

Манон Барбо. Естественно, сначала есть место и недоверию. Со временем недоверие пропадает. Потому что это не мы, люди со стороны, снимаем фильм об индейцах, а индейцы сами снимают фильм о себе. Они решают, какую выбрать тему, что они хотят сказать, с кем поговорить в кадре. Это их фильм. Пожилые жители радуются возможности передать свои знания, свои традиции посредством кино. Мы всегда показываем готовый фильм всей общине и наблюдаем за реакцией зала, которая часто бывает очень бурной. Зрители много смеются, открыто проявляют свои эмоции, потому что то, что они видят, их трогает.

Дмитрий Опарин. Кто выбирает тематику фильмов? Существует проблема, что коренным народам часто навязывают этнические сюжеты. Может, в восемнадцать лет их больше волнует не проблема потери языка и культурной идентичности, а сюжеты, связанные с любовью, отношениями с родителями, друзьями?

Манон Барбо. В наших фильмах такие истории очень часто становятся главными. Но многих действительно волнует исчезновение языка, забвение традиции. У нас есть фильмы, посвященные охоте или музыке, например. Это не мы решаем, о чем снимать, ребята сами выбирают то, что им интересно. Над фильмом работают современные люди, им интересна современная жизнь. Однако они не могут не говорить о несчастьях, потому что горя и страданий в индейских поселениях больше, чем в других местах Квебека. Не случайно, количество суицидов там намного выше.

Дмитрий Опарин. Часто художники из коренных народов вынуждены выбирать этнически окрашенные сюжеты из-за того, что главный потребитель — городской зритель — ждет от них именно этого. Жители городов хотят видеть охоту, шаманов, национальные танцы и национальные костюмы...

Манон Барбо. Жители крупных канадских городов вообще очень мало интересуются коренными народами. И когда люди идут смотреть фильм, они не ждут чего-то экзотического — они просто ничего не знают даже про экзотику. Это у французов есть фольклорный образ индейцев Квебека, они предполагают, что увидят на экране бубны и традиционные танцы аборигенов. И иногда они бывают разочарованы, когда не видят этого. Вообще, в кино аборигенов нет никакого туристического кича.

Дмитрий Опарин. Как вы выбираете поселение, в котором будут идти съемки?

Манон Барбо. Мы стараемся поехать в деревню, где больше социальных проблем и меньше возможностей для молодых реализовать себя, иметь интересный досуг. Например, атикамекские поселения очень изолированы, они находятся в лесу, там очень высокий уровень самоубийств. Мы приезжаем туда и спрашиваем у главы общины, можем ли мы там остаться. Получив разрешение, обычно проводим пять-шесть недель в этом месте. Местная молодежь участвует в каждом этапе производства фильма. В первую неделю происходит формирование команды для съемок, затем мы снимаем, монтируем и показываем всей общине. Я заметила, что иногда ребятам трудно дается написание сценария, и тогда они просто предлагают устный сценарий, который мы записываем. Естественно, операторское ремесло требует длительного обучения. И часто молодой человек на начальном этапе следует за профессиональным оператором, повторяет за ним.

Дмитрий Опарин. В одной короткометражке человек говорит: «Мы больше не охотимся, мы сами стали добычей». В какой-то степени я с ним согласен. Коренные народы стали

своеобразной добычей для этнологов, социальных работников, социологов, кинематографистов, правительства. Или я не прав?

Манон Барбо. Вы правы. Белые разрабатывают множество проектов, едут в индейские поселения, потом им быстро все надоедает, и они уезжают. Аборигены замучены таким отношением к себе. На канадском Севере сейчас много прерванных проектов. Коренные народы устали от многочисленных безрезультатных вмешательств в их жизнь. Но еще больше они устали от своего безнадежно изолированного положения. Они, как в гетто, отрезаны от большого мира, в котором есть разные возможности, какой-то выбор пути. У них же почти никаких перспектив. И когда кто-нибудь приезжает, например, с хоккейным проектом, местные молодые парни начинают играть, у них появляется шанс построить спортивную карьеру. Они же раньше были кочевниками, а теперь — оседлые, они нуждаются в движении. Молодые гордятся своим участием в проекте, тем, что им доверяют представлять свою общину на соревнованиях. Что касается Wapikoni Mobile, то тут существует разница между теми, кто непосредственно участвует в проекте, и теми, кто не участвует. Очень часто ребята, прикоснувшиеся к съемкам фильма, говорят, что это изменило их жизнь. Вы знаете, например, Самьяна? Это известный монреальский рэпер, выходец из племени алгонкинов. Он начинал с Wapikoni Mobile. В индейских деревнях есть отличные музыканты, которые практически неизвестны за пределами своих поселений. Мы помогаем им куда-то пробиться, сделать первый шаг. Самьян стал моделью успешного индейского музыканта. И многие повторили его успех — Катя Рок, Соня Базиль. Соня Базиль, например, принимала участие в Монреальском фестивале франкофонии, выступала на большой сцене. Меня очень трогает история Кевина Папата, который приехал из отдаленного поселения, где нет ни электричества, ни водопровода. Он начал работать с нами как координатор. И сейчас он уже сделал несколько фильмов. Когда Кевин был подростком, у него от передозировки на время отнялись ноги, а теперь он путешествует по всему миру и представляет свои фильмы. Сейчас, например, он в Новой Каледонии. Его фильм Amendement я считаю очень сильным. Такой успех приходит не ко всем, конечно, но все же подобные примеры дают шанс и другим молодым людям из индейских поселений.

Проект Wapikoni Mobile

Дмитрий Опарин. Многие фильмы можно назвать эстетскими. Как воспринимает молодежь артхаусную направленность ваших короткометражек?

Манон Барбо. Это же сами ребята делают такие фильмы. Мы их обучаем работе с камерой, но стилистику выбирают они. В этом они совершенно свободны, мы не оказываем на авторов никакого давления. Не все фильмы сделаны в одной эстетике, они очень разные. Можно, наверное, сказать, что часть картин сделана в особенном ритме, свойственном деревенской жизни коренных индейцев. Зрители отмечают, что они медленные. Естественно, это не мейнстрим, в нашем кино много кинематографических экспериментов.

Вам, например, фильм «Ночные бегуны» кажется эстетским? Вы знаете, как осуществлялся этот проект? Мы дали одной компании ребят камеру — им было совершенно нечем заняться по вечерам. Они брали камеру и экспериментировали с ней, когда становилось темно: снимали то, что наблюдали, пробовали разные ракурсы и способы съемки. Потом уже написали текст. Так появился фильм, который получил очень много наград. Но у нас много и неартхаусного кино, скорее, просветительского, антропологического. Много лент об охоте, рыбалке, о лесе. Но это, повторю, не мейнстрим.

Дмитрий Опарин. У вас есть две постоянно работающие студии в двух индейских поселениях. Почему вы выбрали именно эти деревни?

Манон Барбо. Выбирали не мы. Совет этих поселений сам принял решение о том, что им нужно иметь стационарные студии. Мы привезли их и смонтировали, но они сейчас работают автономно от нашего проекта.

Дмитрий Опарин. В Квебеке есть множество французских деревень, тоже изолированных от остальной части Канады. Их жители страдают от тех же социальных проблем, квебекская деревенская молодежь чувствует себя брошенной, потерянной. Не думали ли вы создать какой-нибудь проект с белой молодежью?

Манон Барбо. Раньше я работала с белыми молодыми людьми — с городской маргинализованной молодежью. Я сделала такой же проект с городской киностудией. Но следует признать, что белая молодежь обладает все-таки большими ресурсами, чем коренная. В резервациях очень бедный досуг. Можно сказать, что белая молодежь не так «забыта» обществом, как индейская. И поэтому я решила сконцентрироваться именно на индейцах.

Дмитрий Опарин. Большая часть средств на развитие вашей программы дается государством. Может ли государство, давая деньги, навязать свое видение ситуации? В своих фильмах вы очень часто говорите о социальных проблемах, по сути, о вине государства перед своими гражданами. Это, безусловно, не льстит власти.

Манон Барбо. Навязать свое видение? Да это невероятно! Послушайте, посольства Канады в самых разных странах приглашают нас, чтобы показать наши фильмы о социальной трагедии коренных народов, и люди с экрана откровенно рассказывают о проблемах, жестко критикуют государство. Но власти страны продолжают нас финансировать — без каких-либо условий, не оказывая на нас никакого давления, вообще не вмешиваясь в работу над проектами. Я думаю, это и есть демократия.